

Десять месяцев назад, когда Настасье Павловне исполнилось сорок три и коллеги жевали праздничный торт вприкуску с виноградом, запивали игристым и бесконечно хвалили и чествовали именинницу, ей в голову пришла интересная мысль. В этой библиотеке Настасья Павловна работала уже шесть лет, она знала всех читателей по лицам, номерам карточек, обстоятельствам и литературным предпочтениям. Не все из них были приятны ей. Случались читатели неблагодарные и хамоватые. И случались

нередко. Да и коллеги не каждый день могли претендовать на звание приятных и вежливых людей. И тогда Настасья Павловна подумала: «Как измерять добро и зло, улыбки и гримасы? Явно же, что не килограммами... Почему бы тогда и не сантиметрами?» Чтобы к следующему дню рождения она смогла наглядно увидеть, сколько добра и зла подарил ей этот мир за год, Настасья Павловна решила сшить два лоскутных полотна — белое и черное. До позднего вечера того дня она ломала голову, какого размера должны быть лоскутки. Если они будут различаться по размеру — в соответствии с величиной добра и зла, то лоскутная ткань получится неаккуратной. Тогда она решила взять за основу квадратный кусочек ткани размером десять на десять сантиметров. Черный пришивается, если в течение дня произошла некая неприятность извне, негативно сказывающаяся на ее настроении. Белый — если что-либо вызвало ее улыбку. Также она решила, что масштаб добра и зла может увеличиваться до нескольких лоскутков за одно событие. Если радость или неприятность произошли непредумышленно — например, если у человека дурное настроение, и он рычит на всех — тогда пришивается кружевной квадратик. Тогда поднеся покрывала к окну, по просветам можно будет получить общее представление о том, сколько в ее мире зла и добра умышленного, а сколько — случайного. В конце года она сошьет себе наряд из той ткани, которая будет больше, и наденет его на сорок четвертый день рождения. Начало обоим полотнам было положено на следующий день, после посещения магазина тканей. Поздравления с днем рождения легли в основу обоих полотен. Начала были кружевными. Настасья Павловна рассудила так: поздравления — это хорошо, они повышают настроение; но люди говорят приятности только по причине праздника, о котором знают заранее, а если бы не знали о торжестве, то и добрых слов говорить не стали бы — потому и кружево. И не все говорят вполне искренне, часть поздравлений и похвал всегда является в лучшем случае преувеличением и в худшем — лицемерием. Значит, это заслуживает не только белого, но и черного кружева. Так покрывала стали

расти.

В последние годы Настасья Павловна не любила читать. Слишком много лет она провела в окружении книг, кисло пахнущих новизной и сладко – пылью и старостью. Прежде ей нравились вязание и вышивка. Но и они быстро надоедали. То есть, конечно, она радовалась очередной законченной вышивке или связанному шарфу, но все хорошо в меру. А поскольку меры Настасья Павловна не знала, то увлечениями своими она пресыщалась. В юности, когда она пришла работать в библиотеку после института, она полагала, что это только на пару лет – для стажера и опыта. И потому очень лихо ухватилась читать все подряд. Потом она ушла в декрет и до рождения дочки прочитала пару сотен книг. Когда появилась Наташа, стало не до чтения. Материнство и подарило Настасье Павловне новые хобби – вязание и вышивку. Она усердно ворочала спицами, пока малютка посапывала в кроватке. Пинетки, шапки и комбинезоны вязались и снова распускались, чтобы стать чем-то новым для постоянно растущей крохи. Пять, десять, пятнадцать, пятьсот – количество петелек постоянно увеличивалось, шерстяные клубки становились одеждой. Шестьдесят два см, шестьдесят четыре, девяносто – Наташа постепенно превращалась из клубочка в чловечка. Вязание стало принимать ужасающие масштабы, когда время декрета истекло и Наташу пришлось отдать в детский садик. Теперь наряжать Наташу можно было не только для себя. Замысловатые жилетки, прогулочные костюмы, платья для утренников, вышитые вручную. Детский сад охал всеми нянями и воспитателями при появлении Наташи в ее новом наряде. «Ночами мать не спит!» – удивлялись все. На работе вязать, разумеется, ей не разрешали – попытки были, но их пресекали. Поэтому пришлось возобновить чтение книг. Настасья Павловна с новыми силами погрузилась во вселенную слов, образов и переплетов. Но нередко она отвлекалась от содержания книг, раздумывая, что бы такое еще связать Наташе.

Вскоре Настасья Павловна заметила, что чтение уже не приносит ей былой радости. Что за какую бы она книгу ни

пыталась взяться — все было ужасно знакомо. Для себя она классифицировала все возможные литературные сюжеты, обобщая их и срезая декоративные элементы, вроде возраста и сословия главных героев, и оказалось, что, как и в жизни, ситуаций не так много. Ей казалось, что она бесконечно читала одну большую книгу с различными вариациями и кульминациями, развязками и подвязками. Если в книге была главная героиня, то непременно был мужчина, о котором она думала. Эта бесконечная героиня любила его и ненавидела, обижалась и трепетала, с веером в карете, в пеньюаре на шелковых простынях, с ружьем в сторожке, с арбалетом на дереве, с рулем автобуса, соответственно, в автобусе и т. д. Даже если героини и бывали в книгах главными, то всегда находился тип, который был главнее их. Потому что любить и трепетать — оно, конечно, хорошо, но кто-то же должен обдумывать различные идеи — крупнокалиберные, как у Раскольникова, или мелкие, разлетающиеся пылью по ветру, как у Акакия Акакиевича. Писатели отчего-то считали, что не по плечу женщинам обдумывание мировых идей, и это задевало Настасью Павловну. Хотя она понимала, что справедливо о женщине может написать лишь женщина. Впрочем, лишь для того, чтобы впоследствии это все и было прочитано женщиной. К таким выводам они приходила, не как человек, но как библиотекарь — в среднем на десять читателей приходилось девять разновозрастных женщин и один, зачастую престарелый, мужчина. Молодых мужчин редко привлекала читательская стезя, но зато, если уж они начинали читать, то непременно начинали и писать, чтобы показать читателям-женщинам свою интеллектуальную удаль. Придя ко всем этим выводам, пусть и поверхностным, Настасья Павловна прекратила свое существование, как читатель. Книги она забросила и продолжила вязать и вышивать. И, не зная меры, как и прежде, навывшивала блузок, платков и картин общей площадью, наверное, с Британию и навязала шарфов длиной с транссибирскую магистраль. И пресытилась. Да и Наташа при виде новой вязаной вещи смотрела на маму с тоской и недоумением, и в садике уже давно охать перестали.

Если прежде Настасья Павловна шила только для того, чтобы сшитую вещь вышить, то, когда пришло время пойти ребенку в школу, шитье заинтересовало ее гораздо сильнее. Она приглядывалась к тому, в чем одеты школьники, прикидывала, как повторить выкройку, можно ли модель улучшить.

Чтобы быть поближе к Наташе, Настасья Павловна устроилась работать в школьную библиотеку, но хватило ее только на младшие классы. Там с чтением было совсем туго – ну не детские же книги перечитывать, в конце концов? Тем более в школе было очень шумно, от постоянного гула звонков и детских голосов у нее болела голова. Все-таки она привыкла к полноценной библиотечной тишине. Так она оказалась на своем нынешнем месте работы. Перечитывать библиотеку от корки до корки желания у нее не возникло. Тем более, что вся классика была изучена по второму кругу, переосмыслена, все науки были пройдены в очередной раз, чтобы помочь в учении дочери. Основное внимание Настасья Павловна продолжала уделять наряжанию Наташи. Она уже понимала, что рано или поздно и это ее увлечение пройдет, и чтобы как-то разнообразить деятельность, она начала шить не только наряды для Наташи, но и одежду для подруг, коллег, порой даже и для себя, изредка для супруга. Она нашла впрок постельного белья, мягких игрушек дочке и всем ее друзьям. Дочь, надо сказать, выросла некстати быстро. Обзавелась подругами, с которыми ходила и в школу, и на кружки, и гулять. И в одежде почему-то отдавала предпочтение джинсам и майкам. Прежде она нуждалась в матери, в общении с ней, но сейчас мать ушла на второй план вместе с ее нитками, иголками и выкройками. Себе Настасья Павловна шить не очень любила – не считала нужным наряжаться для читателей и книжных полок. Муж Настасьи Павловны – Владимир Анатольевич – был совсем никудышной моделью для домошвейных нарядов. Он работал автомехаником, в мастерской носил рабочую форму, а во внерабочее время – спортивные и футболку. Разговаривал в основном с телевизором и, как казалось Настасье Павловне, женат тоже был на нем, а она была

у них чем-то вроде горничной. Ее задачей было поддерживать в доме наличие горячей и желательной мясной пищи, включать кнопку стиральной машины и «не лезть не в свое дело». Дела мужа ее и не волновали. В какой момент произошло подобное отчуждение, Настасья Павловна уже и не помнила. Помнила лишь, что ей было двадцать три, когда они поженились, все подружки ей завидовали — такого мужика отхватила. А какого «такого», она и сама не знала. Володя как Володя. Веселый, симпатичный. Играет в футбол по выходным, в будни чинит автомобили.

И пока супруг полноправно властвовал в своем кресле, а дочь общалась со сверстниками, Настасье Павловне нужно было как-то себя занимать. Подруг своих она не могла их выносить чаще двух раз в месяц. Бормотание швейной машинки и ворчание мужа на телевизор казались ей более осмысленными, чем лепет подруг. Они все время пытались ее учить — советовали то завести любовника, то развестись с мужем, то пытались записать ее к «своему мастеру по «маникюрю-педикюрю-бровям-стрижкам-укладкам». Настасье Павловне только и оставалось удивляться количеству существующих мастеров. «Я на эти деньги лучше ткань куплю», — отвечала она своим подругам. Так и расходились все при своих — маникюрах с любовниками и нитках с тряпками. Но шитье уже начинало надоедать Настасье Павловне. Она судорожно искала вдохновения вокруг себя. Все возможные наряды уже были сшиты, искусно повторены за виденными в журналах и раздарены или распроданы по знакомым дамам. Нужно было что-то новое. И вот однажды вечером, незадолго до сорок третьего дня рождения, она ходила по книжному фонду и расставляла по местам книги, сданные читателями за день, и вдруг увидела то, чего не замечала раньше. При скудном вечернем освещении длинные ряды полок с толстыми и тонкими, блеклыми и яркими корешками книг превратились в причудливые лоскутные полотна. И как раньше она не замечала этой красоты? И почему раньше она не думала о пэчворке?! Засыпая в тот день, она представляла в голове все,

что она сможет сделать в лоскутной технике. Все было таким необыкновенно пестрым и восхитительно нелепым. И еще несколько дней ей снились сны с заплатками, пока лоскутные полотна не стали частью ее жизни, ее досугом и даже образом мышления. Никогда прежде она так внимательно не наблюдала за всем, что происходило вокруг нее. Она перестала, что называется, витать в облаках. Она начала присутствовать в мире не только своей физической оболочкой, но и мыслями — она присматривалась к людям, анализировала их слова и поступки, выстраивала причинно-следственные связи. Вместе с лоскутными полотнами добра и зла рос и ее мир, он становился осязаемее, реальнее, предметы и явления, которые раньше ей казались неинтересными, пришивались к картине мира, делая ее полнее. На все прорехи реальности ставились крепкие заплатки. Книжные полки, которые давили на нее почти половину жизни, словно раздвинулись, и пролеты между ними наполнились новыми запахами и голосами, в пыльный мир наконец-то просочились солнечные лучи. Лоскутные полотна росли практически равномерно, лишь на пару дней и десяток заплат попеременно отрываясь друг от друга.

Хорошие отметки Наташи, двери, придерживаемые незнакомцами в магазине, похвалы от коллег и прочие мелочи регулярно добавляли сплошные и кружевные белые квадраты к полотну добра. Настасья Павловна изо всех сил искала признаки тепла и света в повседневности, и у нее неплохо получалось. Неприятности в основном были кружевными: грубость окружающих Настасья Павловна списывала на скверное настроение, усталость или предрасположенность характеров. Но это касалось только посторонних людей. К своим коллегам она относилась гораздо придирчивей, каждая улыбка начальницы моментально причислялась к лицемерию. Промашки Наташи и Володи и вовсе приравнивались к преступлению. Не сказанное после обеда «спасибо» могло увеличить полотно зла на два лоскута. Настасья Павловна считала свою предвзятость к близким нормальной. В конце концов, она же так много всего для них делает,

и они вполне могли бы быть благодарными за это. Но Настасья Павловне казалось, что она стала гораздо более чуткой к окружающему миру, что она стала замечать прекрасное и даже укрепилась в своей любви к человечеству. Любви, надо отметить, общей и весьма безотносительной, любви неосмысленной, без глубокого сочувствия и сопереживания.

Примерно в середине лоскутного года случилось следующее. Настасья Павловна сшила новые шторы — из красной, желтой и синей ткани. Она очень долго с ними возилась, обрабатывала вручную междутканые швы — это же не пиджак или пододеяльник и швы просто так вовнутрь не спрячешь. И ткань была непослушной и трудной. Но Настасья Павловна никогда не бросала начатую работу (разве что книги иногда недочитывала, но недочитанная книга не так страшна и тяжела как недописанная, свою бы она обязательно дописала, если бы когда-нибудь начала). И вот шторы были готовы — слегка вышиты по окантовке и основательно выглажены. Настасья Павловна залезла на небольшую табурет, сняла старые шторы и почти повесила новые, и тут табурет захрустел и осыпался прямо под Настасьей Павловной. Она машинально ухватилась рукою за новые шторы, и они-то уцелели, но гардины, влекомые к полу всею Настасьей Павловной, не удержались на своем месте. Владимир Анатольевич вскочил из своих кресел, сперепугу обронив пульт, из которого выпали батарейки. Когда батарейки были поставлены на место, пульт все равно не работал, и Владимир Анатольевич сделал вывод, что, упав, они внезапно сели, и пошел в магазин за новыми. Вместе со старым табуретом затрещал и старый быт. А дело, между прочим, было в воскресенье, а по воскресеньям Владимир Анатольевич на улицу не выходит, потому в футбол играть стало не с кем, а пиво он покупает еще в субботу. Да и вообще — перед рабочей неделей надо бы хорошенько отдохнуть. Пока супруг отсутствовал, Настасья Павловна пыталась вернуть гардину на место, но тут ее женских умений было недостаточно. Когда Владимир Анатольевич вернулся с батарейками, она попросила его о помощи. Владимир Анатольевич, воспользовавшись своим

мужскими умениями и навыками, установил, что, действительно, возвращение саморезов на прежнее место не удерживает гардину. Нужна дрель, а она в гараже, а он далеко — не сегодня, Настя. В качестве временного решения Владимир Анатольевич использовал гвозди и молоток, и оказалось, что гардина будет держаться, только если ее не нагружать ни старыми, ни новыми шторами, ни даже тюлем. Пришлось обнажить их жилую комнату перед всем внешним миром. А жили они на втором этаже.

Пульт, оказалось, сломался, новые батарейки были куплены зря. Владимир Анатольевич не мог себе позволить второй раз за воскресенье выйти на улицу, и, чтобы переключать каналы, ему приходилось отрывать тренировочные штаны от продавленного кресла, и каждый подъем сопровождался руганью, проклятиями в адрес новых штор и угрозами выкинуть на хрен швейную машинку. Настасье Павловне было совсем невыносимо все это слушать, и она ушла в комнату дочери, пока та гуляла. Настрое-ние было окончательно испорчено: мало того, что она не сможет повесить свои прекрасные шторы, так теперь еще просить Володю починить табурет и сходить за дрелью. А это у него минимум неделю займет. И каждое ее напоминание будет сопровождаться его треклятьями. И, дай боже, если он себе купит новый пульт завтра, хотя нет, лучше сама купит, а то вообще жизни не будет.

Глядя на своего мужа, Настасья Павловна часто думала о том, что она, должно быть, плохая жена. Муж представлялся ей Адамом в райском саду. Подобно тому, как Адам мог до бесконечности любоваться райскими кущами, валяясь под деревом, ее муж мог до бесконечности пить пиво и переключать каналы. Она прекрасно понимала, что с древности в мифологии и эпосе все мужья были наделены силой и отвагой лишь потому, что создавались различные тексты мужчинами. Если бы Библию написала женщина, то, скорее всего, выяснилось бы, что Бог просто не знал, что ему делать с ленивой скотиной, которую он же и создал. Он посмотрел с небес, как предполагаемый венец творения лопаet фрукты и греется на солнце, и ужаснулся. Последняя надежда была на женщину — должен же кто-то запулить

яблоком познания в лоб венцу, чтобы он уже начал изобретать, создавать, шевелиться, в конце концов. Если бы Настасья Павловна была хорошей женой, она бы регулярно выполняла свой супружеский долг — пилила бы Владимира Анатольевича по любому поводу, не давала бы ему столько времени проводить перед телевизором. Но ей ужасно не хотелось этого делать. Она не видела себя в роли Евы и не представляла, каким должно быть яблоко, чтобы сдвинуть Владимира Анатольевича с места. Хотя Адам добровольно рай не покидал. Если поломка пульта заставила Володю выйти в воскресный вечер из своих садов, то изменить уклад их жизни можно, выбросив телевизор из окна. Тогда Адам обвинит в бедах Еву и, может быть, от скуки начнет развиваться, совершенствовать мир и вешать гардину. Но это маловероятно. У Адама не было друзей, потому что Бог их тогда еще не создал (а он ли вообще их создал?). А вот у Владимира Анатольевича друзья есть, и у этих друзей есть телевизоры и пиво, и скоротать вечерок можно у них, если их Евы позволят. А если нет, то тогда пойдут в гараж и наклюкаются. А это еще хуже. В общем, яблоко могло обернуться бедами, похлеще ветхозаветных.

Настасье Павловне было привычней и проще самой сделать то, что возможно. Просила о помощи она только в крайнем случае, как сегодня. Может, потому она и испортила своего Адама, дав ему понять, что и сама неплохо справляется? Может, стоило чаще давать ему хоть простые задания и напоминать, что это он и ему подобные двигают прогресс и вершат историю?

Обо все этом Настасья Павловна думала и еще больше расстраивалась и уже пришивала седьмой черный лоскут к полотну зла. Пришла дочь, спросила, что случилось, Настасья Павловна как-то грубо отреагировала, и Владимир Анатольевич прорычал по поводу того, что в пятнадцать лет домой надо приходиться не позже семи вечера, откуда я знаю на спортивных ли ты там секциях или шляешься четрзнаетгде. И за дочь пришлось сначала вступить, а потом, когда она нахамила отцу, пришлось отругать. В общем, вдоль и поперек переругались они в тот вечер и с Воло-

дей, и с Наташей. Ребенок закрылся с ревом в комнате, Владимир Анатольевич продолжал скакать между телевизором и креслом. В бесшторной комнате Настасья Павловна чувствовала себя как в аквариуме, ей казалось, что люди на улице останавливались и смотрели в их обнаженное жилище, смеялись над маячащим Владимиром Анатольевичем. Она ушла на кухню, прихватив с собой черных лоскутков. Слушая стихающие всхлипывания дочки, она думала, имеет ли право она пришивать ее маленькое и звонкое горе к своему полотну, ведь и она виновата в том, что Наташе плохо? И тогда она поняла, что не имеет права считать добро и зло без учета своих собственных действий. Значит, ей нужны еще два полотна, которые будут состоять из ее собственных добрых и злых дел. Но как же тогда она будет отличать добро и зло, принесенное извне в ее жизнь и принесенное ею во внешний мир? Полотна ее поступков будут короче на полгода... Но вдруг к ее дню рождения они сравняются? Вдруг ее невнимательность и ворчание ранят гораздо большее количество людей, чем ей кажется?

Она отложила тряпки, аккуратно подошла к двери в комнату дочери и постучалась.

– Наташа? Можно я войду?

Ответом были два всхлипа.

Наташа лежала на своем диване, свернувшись калачиком, поджав ноги к животу и уткнувшись зареванным лицом в колени. Настасье Павловне стало нестерпимо жаль обруганную ни за что Наташку. Она легла рядом с ней и попыталась обнять ее. Наташка дернулась, оттолкнула ее и прошипела:

– Не трогай меня!

– Наташ... ну я же не со зла...

– Отстань от меня. Иди шей.

– Хочешь, я тебе платье сошью? Или пальто?

– Не хочу. У меня достаточно одежды.

– А давай сходим куда-нибудь на неделе вечером.

– Куда?

– Ну, не знаю... в кафе? Кино?

– Не хочу. У меня английский и бассейн после школы.
– Ну, пропустишь денек. Просто погуляем, может быть?
– Вдвоем?
– Можем вдвоем. Можем, и с папой.
– Он не пойдет.
– Я попрошу.
– Не надо. Я не хочу гулять. Я хочу побыть одна.
– Хорошо. Ты только не реви. Прости меня, – Настасья Павловна поцеловала Наташку и встала с дивана. У двери повернулась:

- Наташ?
- Что?
- Я тебя очень люблю.

Затворив дверь комнаты, Настасья Павловна вернулась на кухню. Взяла черное полотно и отпоролла несколько последних лоскутов так, чтобы полотно выглядело законченным, прямоугольным.

«Может, и правда выкинуть эту швейную машинку?» – думала Настасья Павловна. Чем она лучше Володи? Тем, что создает что-то? А что? Тряпки? Наряжает бедную Наташку с детства, как будто она не человек, а кукла. Наташка не просила всех этих нарядов и игрушек. Может быть, источник зла в их доме не телевизор вовсе, а ее желание шить. Причем шить бесконечно и бессмысленно, заполняя время и пространство тканями и нитками. Настасья Павловна вдруг представилась себе огромной паучихой, закутывающей в бесконечный кокон мушку-Наташку. Их квартира стала паучьим логовом, в котором Володя, чтобы не быть закутанным в кокон, сидит тихонечко в углу с телевизором, смотрит на страсти и жуть, которые там показывают, и пытается самому себе доказать, что то логово, в котором он очутился, не такое уж и плохое, что в других двухкомнатных пещерах происходят вещи и пострашнее. Настасью Павловну передернуло от этой фантазии.

Когда-то первые пинетки она связала для малышки-дочери. И вместе с дочерью росло ее маниакальное желание что-то

создавать и однажды переросло всех людей и чувства к ним. И вещи создавались не для Наташи, а Наташа существовала, как оправдание бесконечному шитью и вязанию. Кто-то же должен носить все эти платья и играть во все эти игрушки? Настасье Павловне стало тошно и противно.

Она убрала свое рукоделие в один из многочисленных сундучков. Одно кресло из мебельного гарнитура было Володиным и стояло перед телевизором, второе, такое же, было ее «рабочим» и стояло в углу комнаты рядом со столом. За ним она кроила и строчила, сидя на табуретке, на кресле она давала отдых спине, когда шила вручную. Настасья Павловна подвинула свое кресло так, чтобы оно встало рядом с Володиным, и села в него. Владимир Анатольевич недоумевающее наблюдал за ней.

– Насть.. ты чего?

– Да... не знаю. Что смотришь?

– Кино после новостей должно начаться. Фантастика какая-то. Ты чего нешьешь?

– Устала. Погуляем на неделе с Наташкой?

– Только не завтра.

– Футбол будет?

– Нет. Пока за дрелью схожу, пока повешу гардину. Ты табуретку куда дела?

– Выбросила...

– Зачем?

– Да она старая, починишь – опять сломается.

– Ну и ладно. Новую купим. Во вторник купим. Когда гулять пойдем.

– Володь?

– Что?

– Ты прости меня, хорошо?

– За что?

– Ну, за пульт, и ссору, и вообще.

– Да ладно тебе. Все хорошо.